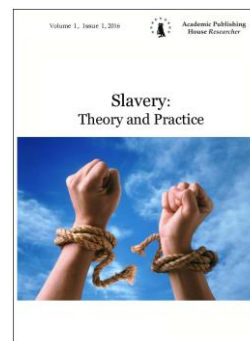

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 4-17

DOI: 10.13187/slave.2018.1.4
www.ejournal43.com

Articles and Statements

The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe

Valerij E. Vozgrin ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The author cites information about the spread of slave labor and the slave trade in countries on the shores of the Black and Mediterranean Seas. At the same time, he concludes that the Italians laid the beginning of the slave trade in the Black Sea, and then the Crimean Tatars and Turks continued it. In Crimea itself, slave labor was not used but in Turkey, Egypt, and Rus-Muscovy it was a common practice. From the Renaissance, Europeans began to purchase slaves in both regions. It was not only slaves captured in raids that entered the market. Of the Slavic and Caucasian families they were sold during the famine years or because of general poverty. The author concludes that slavery was least developed in the Crimean Khanate and most in Turkey. Bulgaria, Moldavia and Wallachia occupied a middle position in this sense. Everywhere in these countries the service time of the slave was limited, after some time he was released.

Keywords: Slavery, Slave Trade, Crimea, Turkey, Egypt, Italy, Black Sea, Mediterranean Sea, Renaissance.

1. Введение

История рабовладения и работорговли широко исследована на материалах обеих Америк, Африки и Азии. В то же время Европа странным образом не входит в сферу интересов историков рабства. Речь идёт, конечно, не о хорошо освещённых наукой Древней Греции и Рима, а о Новом времени – здесь «царит оглушительное молчание» (Колев, 2008: 88). Эта статья – попытка поставить вопрос европейского рабства Нового времени в собственном смысле слова, то есть, не затрагивая проблему крепостничества. Тема эта чрезвычайно обширна, поэтому первая статья по ней будет посвящена лишь странам Чёрного и Средиземного морей.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили отечественные и зарубежные исследования Нового и новейшего времени. При этом специалистами по истории рабства в Новое время являются лишь Дж. Ингрэм, М. Айвэникс, В. Колев, Б. Цветкова и отчасти Г.С. Клейн, С.Л. Ингерман, И.В. Лучицкий и С.П. Карпов. Остальные авторы использованных трудов создали более или менее широкие панорамы ситуаций в избранных регионах в периоды, хронологически соответствующие избранной теме – чем и были весьма полезны при подготовке статьи.

* Corresponding author
 E-mail addresses: valerijvozgrin@mail.ru (V.E. Vozgrin)

О малоизвестных фактах и реалиях рабства и работорговли свидетельствуют исторические источники, привлечённые указанными и иными авторами.

2.2. При рассмотрении избранной проблемы использовались общепринятые в науке методы – компаративный, анализа и синтеза, индукции и обобщения, объективной критики источников.

Автор статьи применял междисциплинарный подход к исследованию проблемы, используя данные не только исторической науки, но отчасти и филологии, и культурологии.

3. Обсуждение и результаты

Историю работорговли в избранном для анализа регионе можно разбить на два периода – до и после эпохи крестовых походов. В первом случае поток рабов направлялся из Европы и Руси, где работорговля процветала с глубокой древности до конца XVIII в. (Верхотуров, 2004: 27), в восточные страны, затем – в обратном направлении, с Востока на север. Эта перемена произошла после того, как крестоносцы захватили регионы, ранее потреблявшие рабов, которых на протяжении всего I тысячелетия поставляла им Европа. Здесь имеются в виду мусульманские области Средиземноморья, включая Сицилию и Испанию, традиционно пользовавшиеся услугами христианских центров работорговли, известных уже в X веке (Византия, Арагон и Неаполь). После некоторого застойного периода в позднем Средневековье работорговля вновь оживилась в эпоху Возрождения. Но пошла она, как было сказано, в обратном направлении, поскольку спрос на этот вид товара возрос в самой Европе по причинам, на которых остановимся ниже.

Что касается крупнейшего центра работорговли Чёрного моря, Крыма, то в Средневековье торговля рабами велась здесь не коренными жителями, а колонистами, главным образом итальянского происхождения. «Первые, установившие [в Крыму] эту гнусную торговлю, были генуэзцы, потом венециане». А вспомнив о рабах, которых по заказу христианских купцов Кафы захватывали в Большой Орде заперекопские ногайцы, мы можем согласиться и с тем, что ордынцы вначале «сами испытывали участь тех жертв, которых они через несколько веков, уже обосновавшись в Крыму, стали отправлять за море» (Гейд, 1915: 84).

Но вот когда именно они начали покупать и перепродавать «живой товар», сказать трудно. Известно, что работорговля практиковалась в Крыму с античных времён (Ivanics, 2007: 193). Скорее всего, этот опыт передавался из поколения в поколение, до начала Нового времени. Впрочем, утверждать последнее с полной уверенностью невозможно, не располагая на сей счёт конкретными сведениями.

Крупнейшими центрами работорговли являлись Крым и Турция. При этом главный крымский рынок находился вначале в Солдае (Судак), затем центр этого промысла переместился в Кафу, а Судак вместе с Гезлёвом и Балаклавой отошёл на второй план. Торги вначале вели венецианские (X–XII вв.), затем генуэзские (XIII–XV вв.) и снова венецианские (XV–XVII вв.) колонисты. Итальянцы ревниво оберегали свою монополию на этот вид коммерции, приносивший огромную прибыль. Так, каждый рейс с невольниками в Турцию приносил купцу 400–500 % прибыли, а в начале XV в. только пошлины с вывоза рабов составляли в Венецианской республике 50 000 дукатов в год – и это не говоря уже о коммерческой выгоде (Еск, 1940: 32). Понятно, что для сохранения этого источника доходов исключительно за собой колонисты не останавливались ни перед какими мерами, в том числе и перед вооружёнными конфликтами с посягнувшими на их монополию. В Средневековье поток рабов из Крыма направлялся на центральный турецкий рынок *Ясыр-пазар*, находившийся в Стамбуле. К концу XVII в. такими местами сбыта становятся дополнительно Синоп и Трапезунд. Появились новые рынки в Персии и Индии, которые также обслуживались османскими работорговцами (Witsen, 1692: 382–382).

Но если турки иногда исключали рабов из торгового оборота, используя их труд в самой метрополии (об этом ниже), то в Крыму пленённые или приобретённые рабы главным образом перепродавались, при этом их труд использовался на полуострове в крайне ограниченном размере. Впрочем, здесь пока нет точных цифровых данных, так как на научном уровне «этот вопрос не только не рассматривался, но и не ставился» (Еманов, 1995: 134).

Однако для исследования этой весьма необычной ситуации имеются источники косвенные – многочисленные записки европейских и восточных путешественников и

учёных, посещавших ханство в период расцвета крымской работорговли. Они изобилуют сведениями о сколь угодно мелких и малозначащих подробностях народной экономики и быта крымских татар. Но в них совершенно отсутствует информация о какой-то общепринятой, массовой практике использования рабского труда на неких плантациях (где оно действительно могло бы стать экономически эффективным).

Причем дело здесь было вовсе не в недостатке возможностей к возрождению рабовладельческого строя. На базары приморских городов постоянно выводились огромные массы не только *ясыря*, то есть захваченных с бою пленных. Подданные хана из областей, находившихся вне Крымского полуострова (заперекопских, закубанских, кавказских) регулярно приводили сюда рабов из числа тех, кто шёл на продажу по старым *внутренним* законам этих областей (неисправные должники, захваченные где-то в ином месте пленники, «лишние» дети, уступаемые многодетными бедняками и пр.). Наконец, после больших походов не было, конечно же, ни одного воина, что не получил бы свою долю – одного или нескольких пленных. Но этот дорогостоящий живой товар исправно уходил за рубеж, в Крым почти не задерживаясь. Исключение составляли лишь немногие пленные, за которых можно было ожидать выкупа. Вот тут, действительно, имел место труд невольников, которые зря хлеб не ели, а ежедневно выходили на поля или виноградники вместе с чадами и домочадцами своего хозяина.

Причины неразвитости рабства в Крыму носили экономический характер. Для натурального или частично товарного хозяйства не слишком богатого крестьянского двора новый работник был абсолютно не нужен. Чужой человек, с неизвестно, какими способностями и желанием трудиться, означал в первую очередь лишний рот за скромным крестьянским столом и, кроме того, массу забот не только материального свойства. Ещё одну вескую причину отсутствия рабского труда в Крыму давно вывели германские историки. Она носит не столько социально-экономический, сколько природно-климатический характер. Несмотря на отменное плодородие степной почвы полуострова, всё-таки при отсутствии искусственного полива это была область рискованного земледелия. Примерно раз в 7–10 лет из-за отсутствия дождей случались неурожаи, тогда средней семье не только на продажу – себе хлеба не хватало, куда уж тут невольников кормить... (Erns, 1911: 23).

Содержать рабов могло себе позволить, конечно, крымское дворянство. Но мурзы и беи, в основном, получали долю урожая со свободных крестьян, живущих на их земле, и крайне редко брали на себя дополнительные заботы в виде собственного хозяйства. Это не значит, что у них не имелось рабов, но это были в подавляющем большинстве не «труженики полей», а слуги. То есть те, кто получал хозяйский хлеб. И, конечно, ел его недаром, но в материальном производстве не участвовал. Это были слуги, наложницы, евнухи, музыканты, охрана – вот, пожалуй, и всё. Ясно, что число их значительным быть не могло. Картина плантаций, обрабатываемых тысячами невольников, над которыми щёлкают бичи надсмотрщиков, Крыму абсолютно несвойственна. Как и османская практика, когда из малолетних пленных воспитывались янычары и личная гвардия властителей.

Наконец, не стоит забывать, что крымские татары уже в ранний период своей истории были, прежде всего, земледельцами и скотоводами, вёдшими своё патриархальное хозяйство собственными силами. Воинами (т.е. добытчиками рабов) они становились лишь от случая к случаю, когда ханство участвовало в войне или объявлялся большой набег (*сефери*).

Несколько иной была ситуация в Турции. С одной стороны, экономика сельского хозяйства весьма напоминала крымскую. В отличие от крепостных, известных в Европе, местные крестьяне были людьми свободными. Каждому из них предоставлялся участок (*чифтлик*) на территории тимаров, принадлежавших государству. Тимары являлись не вотчинами с прикрепленными к ним крестьянами, а, скорее, фискальными концессиями, распорядитель которых, тимариот, отвечал перед казной за сбор десятины и прочих крестьянских повинностей. И использование крестьянами рабов было нерентабельно по той же причине, что и в Крыму. С другой стороны, многочисленные рабы были востребованы во дворцах беев, пашей и султанов – в качестве слуг (см. ниже).

В упомянутую эпоху рабство в странах Чёрного моря было социальной практикой, общепризнанной и утверждённой исламом, шариатом и светским законодательством (там, где оно имелось), глубоко внедрённой в саму ткань исламского общества. Несмотря на известные типологические и региональные особенности оно было характерно для всех

общественных сфер и всех османских территорий. Впрочем, рабский труд широко использовался не только на Востоке, но и в христианской Европе: среди мальтийцев с 1590 по 1620 гг. доля рабов составляла до 6 %, в Неаполе в 1640 г. – из 250 000 чел. населения рабами были 10 000, в испанском Кадисе в 1616 г. – 15 %; в Малаге в 1581 г. – до 12 %; в Алжире – до 30 % и так далее (Ланда, 1999: 627-628).

Если же говорить лишь об Османской империи, то число рабов на её территориях точно неизвестно, но можно предположить, что оно было весьма значительным. Уже на закате эпохи рабства, когда оно повсеместно отменялось, а османские султаны утратили значительную часть своих бывших владений, в африканской, азиатской и европейской частях империи в 1840-х гг. (начало Танзимата) насчитывалось 16-18 000 чёрных и белых рабов (Колев, 2008: 89).

Таким образом, рынок сбыта рабов для их непосредственного использования находился в эпоху Возрождения и в Новое время не в Крыму, а в Западной Европе и на Ближнем Востоке. И вот тут-то весьма важно правильно расставить акценты. Как это, например, сделал Ф. Бродель по отношению к Африке: если там и возникла «торговля людьми, то, конечно же, потому, что Европа её желала и навязывала. Но дело также в том, что Африка имела дурную привычку заниматься ею задолго до прибытия европейцев, направляя торг в сторону мусульманского мира и Индийского океана. Рабство было в ней эндемичной, повседневной структурой в рамках социального строя...» (Бродель, 1992: 447-448). Здесь дано почти зеркальное отражение истории работорговли в обширных территориях вокруг Чёрного моря и к северу от него.

Для Руси-Московии-России рабский труд был обычной практикой, немислимой без работорговли, которая и процветала на протяжении всего указанного многовекового периода. Избытки внутреннего рынка шли на экспорт. Как указывалось выше, ещё до того, как начался взрывной рост спроса в Западной Европе, никто не гнал к морским портам рабов такими массами, как русские князья (причём из числа *собственного* населения, точь-в-точь как африканские племенные вожди). Об этом со всей определённостью говорят источники до-ханских X–XI вв. При этом Крым играл роль важнейшего перевалочного пункта, торгового терминала, но не более того (Карпов, 2000: 218).

Второй (после Московии) крупный регион, потреблявший рабов – Египет. Здесь в обороте были и мужчины (в основном для пополнения султанской армии мамелюками) и женщины (для гаремов знати), понятно, что первых требовалось гораздо больше (Варваровский, 2008: 88). Третье направление работорговли – Европа, главным образом, Италия. Поскольку только этот рынок сравним по длительности существования с московским, стоит рассмотреть его особенности.

Итальянская работорговля, по сути, не исчезала со времён Римской империи, но в XIV в. она значительно расширилась. К двум старым рынкам, Генуе и Венеции, добавился третий, Флоренция, а общий оборот резко возрос. Объяснение – в переменах, вызванных Возрождением. Процесс распада больших семей, участвовавшие внебрачные связи – всё это увеличивало количество домашних очагов и, значит, потребность в прислуге. Взять же её в таком взлетевшем объёме было неоткуда, оставался единственный выход – покупка рабов. Проблема эта была настолько горячей, что в ряде итальянских государств действовали законы, по которым ни один раб не мог идти на экспорт, пока не будет полностью удовлетворена потребность местных городов (Лучицкий, 1886: 13).

Число рабов поэтому исчислялось многими тысячами, особенно в Южной Европе, о чём свидетельствовали и приведённые выше цифры из французских исследований. Спрос же в Европе, в отличие от Египта, был, главным образом, на женщин; он и поддерживал итальянскую работорговлю до конца XVII в. (Wolf, 1982: 202). Поэтому вполне правомерно замечание по поводу того, что «в кровь любого народа Европы от Северного моря до Средиземного влилась обильная струя русской, татарской, черкесской турецкой и африканской крови» (Харт, 1999: 24).

Итак, в начале рассматриваемого периода открылся широкий европейский рынок, в котором деятельно участвовали итальянские колонисты Крыма. В их предпринимательской деятельности «работорговля заняла одно из *ключевых* (курсив мой – В.В.) мест. В XIV–XV вв. она приобрела поистине международный характер» (Карпов, 1986: 139). То есть, прекрасные экономические возможности сельского хозяйства Крыма едва ли не отошли на второй план

по сравнению с торговлей, точнее, перепродажей партий рабов, регулярно поступавших со всего огромного региона Восточной Европы через Северное Причерноморье. При этом главными центрами её были не только Кафа и Тана на севере, но и стамбульская Пера, Синоп и Трапезунд на юге Чёрного моря – там прочно обосновались итальянские фактории. Кроме того кафинская торговая кампания *Оффиция Св. Антония* имела свои филиалы на местах, то есть в регионах, поставлявших рабов (Карпов, 1986: 140).

В генуэзской Кафе уже в XIII в. существовала ещё одна контора, занимавшаяся скупкой рабов у оптовых поставщиков и частных лиц. По мере накопления живого товара, партии его отправлялись на кафинских же судах за Босфор. Вначале сбыт рабов происходил исключительно в арабских странах, отчего эта крымская контора даже называлась не италийски *Туггар аль-Хасс*. В том же веке уже существовала монополия кафинских генуэзцев на всю причерноморскую работорговлю, хотя имеются свидетельства о том, что генуэзцы торговали людьми и в Чембало, совр. Балаклава (Шавшин, 1994: 23). То есть, рабов мог скупать по всему побережью и вдоль течения торговых речных путей кто угодно. Но затем этот товар должен был отовсюду доставляться в Кафу и перепродаваться там местным купцам, единственным, кто имел лицензию на вывоз рабов через Босфор в Средиземное море (Еманов, 1995: 131).

Сколько всего прошло через Крым рабов в эпоху ханства – сказать трудно, никто не вёл статистики работорговли. Весьма приблизительное число называет один из западных специалистов по истории Крыма: в период с 1463 по 1779 гг. через руки крымских работорговцев прошло чуть более 3 млн. жителей России, Украины, Польши и Северного Кавказа. При этом большая часть этих невольников предназначалась для продажи на рынках Стамбула и других городов Османской империи (Fisher, 1972: 580-563). То есть, в год получается в среднем около 9 000 человек – цифра, в десятки раз уступающая показателям африканского рынка, освоенного европейцами. В ту же эпоху они вывозили из Африки регулярно, то есть в *каждый* «сезон» до ста тысяч невольников, а общее число рабов за три века интенсивного их вывоза составило 10–12 млн. (Klein, Engermann, 1977: 39). Если же учесть, что на местах сбора рабов половина их погибала (примерно 50 % африканцев, предназначенных на вывоз, погибало по разным причинам на суше, ещё до посадки на корабли, в рейсе умирало ещё 25 % – см. Klein, Engermann, 1977: 39), то численность аборигенов, которых лишилась Африка, возрастёт до 20–24 млн. В результате к XIX в. в восточной и западной частях континента совершенно обезлюдели обширные, густонаселённые области.

Гибли рабы и во время плавания в Новый Свет. Англичане, португальцы и французы устраивали на своих судах многоярусные нары, расстояние между которыми было не более полутора футов (45–50 см), где прикованные рабы заживо гнили. Тем не менее, если до подхода к гаваням Вест-Индии выживала хотя бы половина «товара», рейс во много раз окупал расходы на него (раба, купленного у африканского вождя за 3 талера, в Вест-Индии продавали за 255). Практика, немислимая для стран Чёрного моря, где каждого раба берегли хотя бы потому, что их добывалось куда меньше, – даже из больших походов-сефери на полуостров доставлялись сотни, максимум тысячи пленников, причём сефери были событием редким, они предпринимались далеко не каждый год.

Европейские купцы тем успешнее могли вести своё дело, что не были сдерживаемы, как их мусульманские предшественники, запретом на торговлю единоверцами (даже пленный или раб становился в Крыму свободным, как только принимал ислам). Для итальянцев этих проблем не то, чтобы не существовало, они в своё время весьма пристально рассматривались, причём здесь имелись сторонники противоположных точек зрения. Эти противоречия начали сглаживаться после того, как известный писатель эпохи Возрождения Ф. Саккети и не менее авторитетный пастор, архиепископ флорентийский Антоний, не сговариваясь, провозгласили, что «крещение не освобождает от рабства» (Лучицкий, 1886: 17). Работорговцы игнорировали церковный запрет христианам торговать христианами же (XIII в.), не действовала и более поздняя булла папы Мартина V (п. п. XV в.) с угрозой отлучения ослушников от церкви. Более того, в 1441 г. в свод законов генуэзской Газарии (Восточный Крым) вошло положение, полностью уравнивавшее в правах (т.е. в бесправию) христианских и мусульманских рабов (Davidson 1966: 34).

Близлежащие южные территории Московии отнюдь не являлись для крымцев главным поставщиком рабов. После XII в., а в особенности в XV и XVI вв., множество людей на продажу добывалось новгородцами и москвитями на севере Европы. Славяне регулярно вторгались в области, принадлежавшие финским племенам, исключительно с целью захвата рабов. Новгородские хроники донесли до нас сведения о почти сотне таких набегов, после которых охотники за людьми «со многим полоном возвратися в свояси». О количестве добычи, впоследствии отправлявшейся главным образом в Крым, можно судить по краткому, но ёмкому определению: её было «бес числа», что, в частности, сбивало цены на этот вид товара. Так, на Карельском перешейке, оккупированном русскими во время московско-шведской войны 1555–1557 гг., финского или карельского раба можно было купить дешевле, чем в мирное время: «в гривну немчин, а девка в пять алтын» (ПСРС, 2000: 265). То есть, мужчина стоил 10, а девушка – 10–15 коп. Затем значительная часть этих пленных отправлялась на юг. Причём, как показывают последние исследования, в гораздо большем количестве, чем считают российские и западные историки (Korpela, 2010: 133-134).

Следует заметить, что доставка рабов на рынки осуществлялась далеко не всегда насильственными методами. Имеется масса сведений о том, что жители и Кавказа и Южной России, даже в довольно поздний период (XIII–XIV вв.) добровольно продавали своих детей в рабство: «нередко случалось, что родители сами продавали своих детей, в особенности дочерей, работорговцам, отправлявшим невольников на Запад» (Харт, 1999: 23). А в особо тяжкие годы, когда не было иного выхода, своих детей продавали и сами татары Причерноморья, ничем, таким образом, не отличаясь от своих «клиентов» из других регионов (СМОИЗО, 1994: 436). Для бесперебойной торговли этим видом товара вовсе необязательно было ходить в опасные вооружённые набеги. За установленную плату собственных девушек и юношей вполне добровольно поставляли и кавказские племена. Частично это был основной вид дани (черкесы считались подданными ханов Крыма), отчасти такое случалось в неурожайные годы, когда приходилось расставаться с детьми, чтобы избавить их от голодной смерти.

На Украине же эта практика бывала в отдельные периоды столь распространённой, что даже в народные песни попала:

В Цареградї на базарї
 Де брат сестру запродає,
 Та не знає, що взяти має;
 Вона сама собі ціну знає.
 «Бери гроші не лічачи,
 Срібло-злото не важачи,
 Срібло-злото не важачи,
 Китаечку не мірячи». (Цит. по: Галенко, 1995: 105).

То есть, на стамбульском невольничьем рынке жертва сделки разрешает продать её за любую цену, не торгуясь и даже не считая платы – значит какой-то шанс на не самую худшую перемену судьбы у неё имелся...

Продавала своих детей туркам и христианская рая Османской империи, причиной чему была немилосердная эксплуатация и фискальный произвол над ней, творимый турецкими чиновниками. Христиане болгарской Добруджи, Молдавии и Валахии продавали своих детей в XVI в., возможно и позже – намёки на этот счёт содержит одно из французских исследований этой темы (Olivier, 1861: 172-173)

Такому «выходу из кризиса» не стоит особенно удивляться по двум причинам. Во-первых, многодетные бедняцкие семьи той эпохи часто не имели продуктовых запасов, рассчитанных на экономически катастрофические годы. Поэтому они могли вымирать целыми деревнями, тогда как продажа хотя бы части детей спасала остальных. Во-вторых, такой уход из семьи, особенно девушек, вовсе необязательно означал для последних резкое ухудшение условий жизни или перспектив будущего, особенно если они попадали к более или менее зажиточным мужьям. Продажа в рабство мужчин однозначно ассоциируется с галерами, что далеко не так – в Турции им предоставлялись вполне сносные условия труда, питания и пр. (см. ниже).

Современники не только той жестокой эпохи, но и более цивилизованных лет, в том числе и просвещённые английские авторы, относились к упомянутой дилемме (голодная

смерть девушки на родине или выживание на чужбине) просто: жизнь в любом случае предпочтительнее смерти. Вот и получалось так, пишут они, что черкесские, а также христианские «родители предпочитают продавать их, чем отдавать замуж даже за богатых соотечественников: они считали, что там им будет лучше, в гареме у мусульманина, который не только платит крупную сумму за красивую супругу, но и относится к ней с большой благожелательностью. Таким образом, им гарантирована жизнь в роскоши и в статусе, ни в коем случае не унижительном. А вот если они к своим попадут, то положение их будет плачевное, ибо те [христиане] испытывают весьма слабое расположение к прекрасному полу» (Jones, 1827: 172). Здесь всё понятно: так, как нещадно били жён в некоторых христианских странах их мужья, в мусульманских было делом неслыханным. Прежде всего, по причине позора, которым покрывает себя при этом супруг в глазах единоверцев.

В период временного упадка восточнокрымских колоний (XIV в.) переход работорговли Северного Причерноморья из итальянских в татарские руки сказался и на национальном составе «товара». Поражает высокий удельный вес рабов-татар. По данным геноэзских архивов, в среднем здесь из 25 выставленных на продажу рабов было 20 татар, 1 грек и 4 каких-то пришлых (по архивам Флоренции – на 259 татар приходилось 27 греков, 7 русских и 7 турок) (Лучицкий, 1886: 15). В Палермо (Сицилия) во второй половине того же века из 376 рабов, поступивших от крымских геноэзцев 287 человек или около 76% (!) были татарами; во Флоренции чуть позже, в конце XIV в., из 389 проданных рабынь 259 женщин также были татарками (Ланда, 1999: 627). Другой современный автор подтверждает, что «в тех несчастных случаях, когда в источнике указан этнос рабов, то это почти всегда... мусульмане, то есть татары по преимуществу» (Карпов, 1986: 142).

Из этих и иных источников можно сделать вывод о том, что такой необычно высокий процент крымских татар среди предлагавшихся на продажу партий объяснялся, среди прочего, и этнопсихологическими качествами невольников из Крыма. Испанский автор книги «Происшествия и путешествия» (XV в.) отмечает: «если среди рабов продаются татарин или татарка, цена на них в три раза больше, ибо можно с уверенностью сказать, что ни один татарин никогда не предавал своего хозяина» (Харт, 1999: 24-25). Но уже веком спустя на 25 рабов приходилось всего 8 татар, 7 русских, и 5 «лиц кавказской национальности» (Лучицкий, 1886: 15).

Что касается социального положения рабов на новом месте жительства, то его нельзя однозначно характеризовать как предельно низкое. Естественно, как и в древности, раб в Турции или Крыму не мог иметь собственного имущества (кроме незначительных сбережений), не пользовался правами наследования, был исключён из любой сферы деятельности, предполагавшей наличие у него юридических прав по отношению к другому лицу. Он мог вступать в брак (по разрешению господина), но не мог содержать сожительницу – это ведь тоже приобретённая собственность. За убийство свободным человеком раба полагалось суровое наказание, но не смертная казнь, как это могло быть при убийстве мусульманина.

В то же время статус раба, как личности, оставался таким же, как и у свободного, по определению мусульманина. При своём весьма невысоком социальном положении он чувствовал себя под защитой закона. А у владельца были некоторые обязанности по отношению к невольнику – согласно предписаниям Корана и хадисов. Так, хозяин должен был оказывать рабу медицинскую помощь, одевать, кормить его подходящей пищей и обеспечивать на старости лет. В случае пренебрежения этими обязанностями кадий или судья мог принудить рабовладельца к выполнению их, а в случае рецидивов – заставить продать или освободить раба.

Вообще историки лишь с недавних пор приходят к выводу, «что рабство в мусульманских обществах не всегда характеризовалось исключительно униженным состоянием, что статус раба регулировался законом, что рабы имели возможность получить свободу и что статус раба... богатого хозяина мог повлечь за собой существенную и даже большую привилегию и [высокое] социальное положение» (Остапчук, 2002: 410). Кроме того, раба нельзя было подвергать опасности военных походов и даже привлечь к участию в усмирительных акциях, например, в Болгарии или Молдавии. Это касалось и Крыма. Когда во время кабардинского похода Сафы–Гирея в 1544 г. один из близких воинов (некёров) ханского сына украл у какого-то местного *факира* (т.е. небогатого человека) раба, чтобы

использовать его в качестве слуги во время похода, то этого нехёра, виновного единственно в том, что он подверг раба военной опасности, постоянно наказывали плетью во время всего обратного пути ханского войска (Лучицкий, 1886: 412).

Приведу по этому поводу общие выводы английского специалиста, стоявшего к эпохе рабства ближе, чем мы, и лучше с ним знакомого: «Рабство на магометанском Востоке есть рабство не земледельческое, а домашнее. Там раб – член семьи; его любят, с ним обращаются ласково. Ислам смягчал суровость рабства и вызывал снисхождение (Сура 24). “Сколько раз должно прощать рабу?” спрашивали у Пророка, и он отвечал: “Семьдесят раз в день, если ты желаешь заслужить благоволение Божье”». И далее: «Не говори “мой раб,” потому, что мы все рабы Аллаха, но говори: “мой слуга” или “моя служанка”... Доставляйте ему (то есть рабу – В.В.) добросовестное содержание и пищу и на задавайте ему работы, которая выше его сил» (Ингрэм, 2010: 240). В Турции уровень эксплуатации рабского труда во многом зависел от цен невольничьего рынка: когда они поднимались, то рабов не так уж часто использовали на чёрной работе, их берегли как дорогое имущество. Правда, в результате захватнических войн, которые в XIV–XVI вв. служили обильным источником рабов, пленных стали использовать и на сельских работах. Им выделяли участки земли, на которых они становились издольщиками или платили оброк хозяину. Собственно, это уже был не рабский, то есть, подневольный труд в классическом значении этого понятия. Единственно, чем их положение отличалось от крестьянского – так это отсутствие свободы передвижения. Существовали целые селения, в которых жили исключительно бывшие пленники. Но после 1530-х гг. этот вид зависимости на территории Османской империи снова исчез (Новичев, 1978: 67).

Позднее известное количество рабов обучали на ремесленников, другие были заняты как домашние слуги, конюхи, повара, хлебопёки и т.д., третьи – в качестве коммерческих агентов; среди них встречались доверенные лица своих хозяев, экононы городских и сельских усадеб, даже управляющие поместьями. Менее способные служили сторожами при мечетях и школах, состояли в вооружённой охране особняков и дворцов знати. Рабыни использовались в качестве служанок или наложниц.

Что же касается тех, кто не по своей воле попадал в Италию и другие европейские страны, то там работа могла быть даже легче, чем в родном селе. Не говоря уже, к примеру, о труде переписчика (основанные на их почти бесплатном труде домашние «издательства» приносили рабовладельцам стабильный доход), не так уж плохо жилось простой прислуге. Это было известно в странах-поставщиках живого товара, и оказывало своё воздействие на объём ненасильственной его поставки, о которой говорилось выше.

Совершенно особый контингент невольников составляли галерные гребцы. К ним авторы ряда сочинений относят чуть ли не весь полон, захваченный крымскими татарами или турками, что не совсем верно. Число гребцов-кюрекчи в начале рассматриваемого периода было, в самом деле, огромным, а существование – не только невыносимо тяжёлым, но и опасным. В морских сражениях противник пытался вывести из строя прежде всего именно их. Однако к работорговле эти несчастные не имели никакого отношения. Начиная со Средневековья до конца XVIII в. галерников добывали путём военных захватов или же набегов на прибрежные области. Поэтому, как утверждает российский посол начала XVIII в., «большая половина во всей армаде было преже сего наполнено гребцами русскими и казаками», захваченными таким образом (Толстой, 2006: 235).

Второй источник такого рода рабов – захват кораблей противника, при этом весь экипаж ковался к галерным скамьям. Сюда же можно отнести спасшихся жертв кораблекрушений, если суда гибли в турецких водах. Здесь действовало старинное береговое право, касавшееся присвоения местными жителями не только товаров, выброшенных на берег, но и моряков с погибшего судна (Еск, 1940: 32-33).

Третий, не менее важный источник контингента гребцов, был местным. Какое-то время «основную группу кюрекчи составляли юноши-османцы», то есть наёмники, содержавшиеся в гораздо лучших условиях, чем галерники-рабы (Озджан, 2006: 317). Кроме того, на галеры поставлялись заключённые турецких тюрем из числа уголовных преступников. Туда же направлялись христиане (райя), рекрутированные в османских провинциях в случае, если они не могли уплатить джизью, т.е. налог, шедший на нужды армии и флота империи: христиане не призывались на военную службу, империю защищали мусульмане (Хитцель, 2006: 135). Если же раб в чрезвычайной ситуации попадал в армию, то он автоматически

становился свободным. Но имелись и иные пути к освобождению.

Как упоминалось выше существовал старинный крымский обычай отпускать невыкупленных родичами пленников на волю через 5–6 лет труда на владельца. Имеется немало записей в русских и украинских документах о возвращенцах из-за Перекопа, которые «отработались», – существовал когда-то и такой термин (Сыроечковский, 1940: 16). Впрочем, вольноотпущенники, которые в Крыму стали особенно заметны после окончания эпохи больших набегов (сер. XVII в.), нередко оставались в пределах ханства и после того, как обретали свободу. Австрийский миссионер-иезуит о. Франциск Элиман посетивший ногайские селения близ Перекопа в 1701 г., встретил там земляков, попавших в плен ещё во время осады Вены (1683). Патер рассказывает: «Когда я им советовал бежать, что им легко было сделать, то они отказались, говоря, что не знают, будут ли иметь в нашей стране, что есть...» у них в ханстве. Лишь один из австрийцев «готовился возвратиться», и это было возможно, хоть он и не принял ислам (Дворский, 1904: 56). То есть, эти люди, скорее всего, бывшие крестьяне, предпочитали условия жизни в Крыму перспективе возвращения на помещичьи поля у себя на родине, где в ту пору господствовала немилосердная барщина.

Те же, кто, попав в рабство, менял веру, становились вольными людьми ещё раньше – шариат запрещал держать в неволе мусульманина. Впрочем, женщин часто отпускали и без перехода в другую религию. А уж их дети становились свободными стопроцентно. Это был старинный обычай, пришедший в Крым с исламом – у арабов он получил всеобщее распространение ещё в первое столетие хиджры. Там, как и в Крыму, воспитанные при крупных хозяйствах юные вольноотпущенники-*mawali* сразу переходили в среднее сословие, а некоторые становились впоследствии весьма известны своим богатством (Fück, 1981: 277).

Можно привести один из хадисов, прямо подталкивающий хозяина к освобождению рабов: Пророк сказал: «Правоверный, отпускающий на волю своего ближнего, освобождает и самого себя от забот человеческих и мучений огня вечного» (Ингрэм, 2010: 240). Нужно сказать, что такого рода призывы, россыпи которых находим в Коране, а также хадисах или в более ранней сунне, не оставались гласом вопиющего в пустыне уже потому, что они соответствовали восточной этике. Они были убедительны и легко выполнимы для мусульманина, как известно, воспринимающего слова Пророка буквально и подчиняющегося им с куда большим желанием, чем христиане следуют словам Писания. Отсюда и совершенно иное отношение к рабам, чем у европейцев.

Но вернёмся в османский регион, где всё обстояло по-иному. Здесь бывало и так, что рабы вообще становились ровень со своими бывшими владельцами. «Они (т.е. рабовладельцы – В.В.) выдавали их замуж или женили на своих детях и вверяли им высокие должности. Освобождение матери-рабыни происходило после рождения первого ребёнка, которого господин признавал своим. Мать-отпущенница не могла быть продана или подарена». Раб не считался существом низшего разряда, рабское происхождение или рабство в прошлом не мешали освобождённому делать карьеру. «Отсюда не было вредного нравственного влияния, неизбежно присущего рабству» (Ингрэм, 2010: 241).

Кроме того, дети рабов нередко получали военное или юридическое образование – из них в Турции готовили профессиональных воинов-янычар, писцов и даже судебных чиновников, так что после освобождения эти молодые люди могли работать по профессии – уже за жалованье (Цветкова, 1954: 96).

Здесь нет ничего удивительного; ведь социальная мобильность в мире ислама была несравненно выше, чем в христианских странах. Достаточно сказать, что в империи не было каст (как в Индии) или разделения на сословия крепостных, дворян или клириков, как в Западной Европе (Йедийылдыз, 2006: 405), общество не было закомплексовано такими понятиями, как потомственность дворянства, наследственные титулы, национальная сегрегация и т. п. Из 24 великих визирей 20 родились в безродных христианских семьях и вошли в элиту империи лишь благодаря старательной учёбе и личным талантам. При этом знатные чиновники или командующие армии и флота гордились своим «низким» происхождением – это было свидетельством их личных способностей, а не унаследованного статуса (Йедийылдыз, 2006: 406).

Таким образом, исламская практика освобождения слуг-домочадцев была всеобщей, об этом имеется множество письменных свидетельств не только о Крыме, но и о других областях мусульманского мира (Кулаковский, 1914: 132). В Турции в особо выгодном положении

находились квалифицированные строители. Окончив возведение мечети или больницы, они освобождались, тогда как их товарищи по несчастью должны были «отрабатываться» в течение более длительного, чем в Крыму, срока – до 7–10 лет. Если же раб освобождался по завещанию, то ему, как правило, выдавалась какая-то сумма «отпускных» денег на первое время и, кроме того, он мог до конца своих дней получать хлеб и мясо в доме своего покойного хозяина – если нуждался в этом (Цветкова, 1954: 97-98).

Для сравнения упомянем о судьбе мусульманских пленных в России. Здесь ни о каком отпуске на свободу и речи быть не могло, рабство было вечным, и для главы семьи, каким бы зажиточным он не был (встречались богатые торговцы-холопы), и для его потомков. Холопами оставались и те татары или турки, что соглашались сменить веру. Но хуже всего приходилось даже не пленным, купленным частными владельцами – хозяин всё-таки не мог не заботиться о своём движимом имуществе. Им могли позавидовать те пленные, что попадали на так называемые «государевы работы», то есть включались в казённое производство. Изнурительный труд на грани выживания становился их уделом до самой смерти.

Так, пленные татары и турки, захваченные во время походов Селим–Гирея, т.е. в конце 1670-х гг., использовались на крепостных работах в Шлиссельбурге и через четверть века. Имеется любопытный архивный документ, где обозначены условия их быта – это указ от 15 мая 1703 г. генерал-адмирала Ф.А. Головина другому петровскому военачальнику, Б.П. Шереметеву. Из него следует, что пленным мусульманам на прокорм выдавалось «по две денги человеку на день» (что равнялось одной медной копейке), да и то с большими перерывами. При тяжком труде от восхода до заката солнца эти невыплаты обрекали людей на неизбежную смерть: «...а ныне им того нашего великого государя жалованья бурмистры не дают, и не выдано им на апрель и на май месяцы, от чего многие помирают» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1703. Д. 5. 10-10 об.).

Рабство как социальный институт исчезло в Османской империи позднее чем в Европе и её колониях. Оно было запрещено султанским указом в 1876 г., но фактически продолжало существовать. Особенно много рабов насчитывалось в Болгарии, куда в 1857–1867 гг. иммигрировало около 1 млн. черкесов, привезших с собой 150 000 рабов, что стало возрождением средневековой ситуации (Колев, 2008: 93). Черкесы-рабовладельцы, упорно сопротивляясь законам об отмене рабства, тысячами продавали своих невольников в периферийные районы империи (Бейрут, Месопотамию), так как в метрополии оно уже преследовалось. Лишь после освобождения Болгарии, с 1879 г., рабство здесь было искоренено. То же самое произошло и в Румынии, ставшей независимой годом раньше. Остатки рабства в империи, и позже заметные в её африканских и иных владениях, окончательно исчезли лишь в результате младотурецкой революции 1908 г.

4. Заключение

Из приведённых фактов можно сделать следующие выводы. В различных причерноморских областях распространённость использования рабского труда была весьма неравномерной. Менее всего оно было развито в Крымском ханстве, максимально – в Турции. Болгария, Молдавия и Валахия занимают в этом смысле среднюю позицию. Но для невольников региона работа была сносной и, главное – временной. Этим их положение отличалось от неизбывного рабства крепостных Восточной Европы. Процесс ликвидации рабовладения в упомянутых странах шёл также по-разному: раньше всего он завершился в Крыму, затем на западном берегу Чёрного моря и лишь в начале XX в. – в остальных, заморских владениях Османской империи.

Литература

Бродель, 1992 – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. III. М.: Прогресс, 1992. 678 с.

Варваровски, 2008 – Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-е – 70-е гг. XIV века. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 128 с.

Верхотуров, 2004 – Верхотуров Д.Н. Шаг к настоящей истории // Клио. 2004. № 4 (27). С. 21-35.

Галенко, 1995 – Галенко О. І. Про етнічну спорідненість українців та кримських татар раніше і тепер // Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації Кримськотатарського народу). Київ: Інститут національних отношений АН УССР, 1995. С. 101-110.

Гейд, 1915 – Гейд В. История торговли Востока в средние века // Известия Таврической Учёной Архивной комиссии. № 52. Симферополь, 1915. С. 168-185.

Дворский, 1904 – Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. / Сост. Ф. Дворский. СПб.: Сенатская типография, 1904. 404 с.

Еманов, 1995 – Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень: Рутра, 1995. 226 с.

Ингрэм, 2010 – Ингрэм Дж.К. История рабства от древнейших до новых времён. М.: Либроком, 2010. 304 с.

Йедийылдыз, 2006 – Йедийылдыз Б. Османское общество // История Османского государства, общества и цивилизации / Ред Э. Исханоглу. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 371-422.

Карпов, 2000 – Карпов С.П. От Таны – в Ургенч: эти трудные дороги Средневековья // Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 212-224

Карпов, 1986 – Карпов С.П. Работорговля в Северном Причерноморье первой половины XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы). // Византийский временник. Т. 46. М., 1986. С. 139-145.

Колев, 2008 – Колев В. Краят на «Турското робство» в следосвобожденска България // Исторически преглед. 2008. № 5-6. С. 88-102.

Кулаковский, 1914 – Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев: Тип. И.Н. Кушнерев, 1914. 158 с.

Ланда, 1999 – Ланда Р.Г. Средиземноморье: общность истории и культуры // Европа и Россия: проблемы южного направления: Средиземноморье – Черноморье – Каспий М.: Интердиалект+, 1999. С. 234-242.

Лучицкий, 1886 – Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV – XV вв. Киев: Унив. тип., 1886. 56 с.

Озджан, 2006 – Озджан А. Османская военная организация // История Османского государства, общества и цивилизации / Ред. Э. Исханоглу. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 263-322.

Остапчук, 2002 – Остапчук В. Хроника Раммала Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани (1223–1556). Казань: АН ТР, 2002. 242 с.

ПСЗР – Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

СМОИЗ – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном и обработанных А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: АН СССР, 1941. 308 с.

Сыроечковский, 1940 – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Учёные записки МГУ. Вып. 61. М., 1940. С. 3-71.

Толстой, 2006 – Толстой П.А. Описание Чёрного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М.: Наталис, 2006. 236 с.

Харт, 1999 – Харт Г. Венецианец Марко Поло. М.: Терра, 1999. 303 с.

Хитцель, 2006 – Хитцель Ф. Османская империя. М.: Вече, 2006. 384 с.

Цветкова, 1954 – Цветкова Б. Робството в Османската империя и поспециално в българските земи под турска власт // Исторически преглед. 1954. № 2. С. 82-100.

Шавшин, 1994 – Шавшин В.Г. Балаклава. Симферополь: Крымиздат, 1994. 160 с.

Davidson, 1966 – Davidson B. Vom Sklavenhandel zur Kolonisierung. Hamburg: Rowohlt, 1966. 252 p.

Eck, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin: R. Oldenbourg, 1940. 316 p.

Ernst, 1911 – Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III und Vasilij III. 1474-1519. Inauguration-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... von Nikolaus Karl Ernst. Berlin: Forgotten Books, 1911. 34 p.

Fisher, 1972 – *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // *Canadian-American Slavic Studies*, 1972. Vol. 6. pp. 576-590.

Fück, 1981 – *Fück J.* Arabische Kultur und Islam im Mittelalter // *Ausgewählte Schriften*. Weimar: H. Böhlau, 1981. pp. 272-299.

Ivanics, 2007 – *Ivanics M.* Enslavement, slave labour and the treatment of captives in the Crimean khanate // *Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth – early eighteenth Centuries)*. Leiden – Boston: BRILL, 2007. 260 p.

Jones, 1827 – *Jones G.M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Rusland and Turkey: also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea. Vol. II. L.: John Murray, 1827. 596 p.

Klein, Engermann, 1977 – *Klein H.S., Engerman S.L.* Long-Term Trends in African Mortality in the Transatlantic Slave Trade // *Routes to Slavery*. L. – Portland: Frank Cass, 1977. pp. 23-48.

Korpela, 2010 – *Korpela J.* Prisoners of Finnish Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources // *Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге)*. Материалы международной научной конференции. СПб.: Любавич, 2010. 387 с.

Olivier, 1861 – *Olivier G.A.* Voyage dans l'Empire Ottoman, l'Egypte et la Perse (1793-1799). Vol. I. Paris: H. Agasse, 1861. 458 p.

Witsen, 1692 – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam: M. Schalekamp, 1692. 600 bl.

Wolf, 1982 – *Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1982. 534 p.

References

Braudel, 1992 – *Braudel F.* (1992). Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm XV-XVIII vv. [Material civilization, economy and capitalism of the 15th and 18th centuries] V.III. M. Progress Publ. 678 p. [in Russian]

Cvetkova, 1954 – *Cvetkova B.* (1954). Robstvoto v Osmanskata imperiya i pospecialno v b"lgarskite zemi pod turska vlast [Slavery in the Ottoman Empire, especially on the Bulgarian land under Turkish rule]. *Istoricheski pregled*. № 2. pp. 82-100. [in Bulgarian]

Davidson, 1966 – *Davidson B.* (1966). Vom Sklavenhandel zur Kolonisierung. Hamburg: Rowohlt Publ. 252 pp. [in German]

Dvorskij, 1904 – Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii konca XVII i nachala XVIII vv. [Letters and reports of the Jesuits about Russia at the end of the 17th and beginning of the 18th centuries.]/ Compiled by F. Dvorskij. SPb.: Senatskaya tipografiya Publ., 1904. 404 pp. [in Russian]

Eck, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin: R. Oldenbourg Publ., 1940. 316 pp. [in German]

Emanov, 1995 – *Emanov A.G.* (1995). Sever i Yug v istorii kommercii na materialah Kafy XIII – XV vv. [North and South in the history of commerce on materials of Kafa on 13th – 15th centuries.] Tyumen': Rutra Publ. 226 pp. [in Russian]

Ernst, 1911 – Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III und Vasilij III. 1474-1519. Inauguration-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... von Nikolaus Karl Ernst. Berlin: Forgotten Books Publ., 1911. 34 pp. [in German]

Fisher, 1972 – *Fisher A.* (1972). Muscovy and the Black Sea Slave Trade. *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 6. pp. 576-590. [in English]

Fück, 1981 – *Fück J.* (1981). Arabische Kultur und Islam im Mittelalter. *Ausgewählte Schriften*. Weimar: H. Böhlau Publ. pp. 272-299. [in German]

Galenko, 1995 – *Galenko O.I.* (1995). Pro etnichnu sporidnennost' ukraïnciv ta krims'kih tatar ranishe i teper [About the ethnic slavery of Ukrainians and Crimean Tatars earlier and now] // *Krims'ki tatari: istoriya i suchasnist' (do 50-ricchya deportacii Krims'kotatars'kogo narodu)*. Kiïv: Institut nacional'nyh otnoshenij AN USSR Publ. pp. 101-110. [in Ukrainian]

- Gejd, 1915** – *Gejd V.* (1915). Istorija trgovli Vostoka v srednie veka [The history of trade in the East in the Middle Ages]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchyonoy Arhivnoj komissii*. № 52. Simferopol'. pp. 168-185. [in Russian]
- Hart, 1999** – *Hart G.* (1999). Venecianec Marko Polo [Venetian Marco Polo]. M.: Terra Publ. 303 p. [in Russian]
- Hitcel', 2006** – *Hitcel' F.* (2006). Osmanskaya imperiya [The Ottoman Empire]. M.: Veche Publ. 384 pp. [in Russian]
- Ingrehm, 2010** – *Ingrehm Dzh.K.* (2010). Istoriya rabstva ot drevnejshih do novyh vremyon [The history of slavery from ancient to new times]. M.: Librokom Publ. 304 p. [in Russian]
- Ivanics, 2007** – *Ivanics M.* (2007). Enslavement, slave labour and the treatment of captives in the Crimean khanate // Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth – early eighteenth Centuries). Leiden – Boston: BRILL Publ. 260 pp. [in English]
- Jedijyldyz, 2006** – *Jedijyldyz B.* (2006). Osmanskoe obshchestvo [The Ottoman Society] // Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i civilizacii / Ed. by EH. Iskhanoglu. V. 1. M.: Vostochnaya literature Publ. pp. 371-422. [in Russian]
- Jones, 1827** – *Jones G.M.* (1827). Travels in Norway, Sweden, Finland, Rusland and Turkey: also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea. Vol. II. L.: John Murray. 596 p. [in English]
- Karpov, 2000** – *Karpov S.P.* (2000). Ot Tany – v Urgench: ehti trudnye dorogi Srednevekov'ya [From Tana to Urgench: these difficult roads of the Middle Ages]. *Srednie veka*. Vyp. 61. M. pp. 212-224. [in Russian]
- Karpov, 1986** – *Karpov S.P.* (1986). Rabotorgovlya v Severnom Prichernomor'e pervoj poloviny XV v. (preimushchestvenno po dannym massarij Kaffy) [The slave trade in the Northern Black Sea in the first half of the 15th century]. *Vizantijskij vremennik*. V. 46. M. pp. 139-145. [in Russian]
- Klein, Engermann, 1977** – *Klein H.S., Engerman S.L.* (1977). Long-Term Trends in African Mortality in the Transatlantic Slave Trade. *Routes to Slavery*. L. – Portland: Frank Cass Publ. pp. 23-48. [in English]
- Kolev, 2008** – *Kolev V.* (2008). Krayat na «Turskoto robstvo» v sledosvobozhdenska B"lgariya [The region of "Turkish slavery" in liberated Bulgaria]. *Istoriicheski pregled*. № 5-6. pp. 88-102. [in Bulgarian]
- Korpela, 2010** – *Korpela J.* (2010). Prisoners of Finnish Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources. Sud'by slavyanstva i ehkho Gryunval'da: Vybor puti russkimi zemlyami i narodami Vostochnoj Evropy v srednie veka i rannee novoe vremya (k 600-letiyu bitvy pri Gryunval'de / Tannenberge). Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb.: Lyubavich Publ. 387 p. [in English]
- Kulakovskij, 1914** – *Kulakovskij Yu.* (1914). Proshloe Tavridy [The Past of Tauris]. Kiev: Tip. I.N. Kushnerev Publ., 1914. 158 pp. [in Russian]
- Landa, 1999** – *Landa R.G.* (1999). Sredizemnomor'e: obshchnost' istorii i kul'tury [Mediterranean: common history and culture]. *Evropa i Rossiya: problemy yuzhnogo napravleniya: Sredizemnomor'e – Chernomor'e – Kaspij*. M.: Interdialekt+ Publ. pp. 234-242. [in Russian]
- Luchickij, 1886** – *Luchickij I.V.* (1886). Rabstvo i russkie raby vo Florencii v XIV – XV vv. [Slavery and Russian slaves in Florence in the 14th – 15th centuries] Kiev: Univ. tip. Publ. 56 p. [in Russian]
- Olivier, 1861** – *Olivier G.A.* (1861). Voyage dans l'Empire Ottoman, l'Egypte et la Perse (1793-1799). Vol. I. Paris: H. Agasse Publ. 458 p. [in French]
- Ostapchuk, 2002** – *Ostapchuk V.* (2002). Hronika Rammala Hodzhi «Istoriya Sagib Gerej hana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pohodam [The Chronicle of Rammal Khoja "The History of the Sahib Gerey Khan" as a source for the Crimean Tatar campaigns] // Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy) ot Kalki do Astrahani (1223–1556). Kazan': AN TR Publ. 242 p. [in Russian]
- Ozdzhhan, 2006** – *Ozdzhhan A.* (2006). Osmanskaya voennaya organizaciya [Ottoman Military Organization]. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i civilizacii* / Edited by Eh. Iskhanoglu. V. 1. M.: Vostochnaya literature Publ. pp. 263-322. [in Russian]

- PSZR** – Polnoe sobranie russkikh letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. V. XIII. M.: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 544 pp. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. [in Russian]
- Shavshin, 1994** – *Shavshin V.G.* (1994). Balaklava [Balaklava]. Simferopol': Krymizdat Publ. 160 p. [in Russian]
- SMOIZ** – Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. V. 2. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenij, sobrannyh V.G. Tizengauzenom i obrabotannyh A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. M.-L.: AN SSSR Publ. 1941. 308 p. [in Russian]
- Syrochkovskij, 1940** – *Syrochkovskij V.E.* (1940). Muhammed-Girej i ego vassal [Mohammed Giray and his vassals]. *Uchyonye zapiski MGU*. V. 61. M. pp. 3-71. [in Russian]
- Tolstoj, 2006** – *Tolstoj P.A.* (2006). Opisanie Chyornogo morya, Egejskogo arhipelaga i osmanskogo flota [Description of the Black Sea, the Aegean archipelago and the Ottoman fleet]. M.: Natalis Publ. 236 p. [in Russian]
- Varvarovski, 2008** – *Varvarovskij Yu.E.* (2008). Ulus Dzhuchi v 60-e – 70-e gg. XIV veka [Ulus Juchi in the 1460's – 1470']. Kazan': Institut istorii AN RT Publ. 128 p. [in Russian]
- Verhoturov, 2004** – *Verhoturov D.N.* (2004). Shag k nastoyashchej istorii [Step to the present story]. *Klio*. № 4 (27). pp. 21-35. [in Russian]
- Witsen, 1692** – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam: M. Schalekamp Publ., 1692. 600 p. [in Dutch]
- Wolf, 1982** – *Wolf E.R.* (1982). Europe and the People without History. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 534 p. [in English]

Рабство Нового времени в Причерноморье и Южной Европе

Валерий Евгеньевич Возгрин ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Автор приводит сведения о распространении рабского труда и работорговли в странах на берегах Чёрного и Средиземного морей. При этом он приходит к выводу, что начало работорговли в Чёрном море положили итальянцы, а затем её продолжили крымские татары и турки. В самом Крыму рабский труд не использовался, а в Турции, Египте и Руси-Московии являлся обычной практикой. С эпохи Возрождения рабов в обоих регионах стали закупать европейцы. На рынок поступали не только рабы, захваченные в набегах. Из славянских и кавказских семей их продавали в голодные годы или по причине общей нищеты. Автор приходит к выводу, что рабство менее всего было развито в Крымском ханстве, максимально – в Турции. Болгария, Молдавия и Валахия занимали в этом смысле среднюю позицию. Но повсюду в этих странах срок службы раба у хозяина был ограничен, через некоторое время его освобождали.

Ключевые слова: рабство, работорговля, Крым, Турция, Египет, Италия, Чёрное море, Средиземное море, Возрождение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: valerijvozgrin@mail.ru (В.Е. Возгрин)